

И. А. Седакова (Москва)

НАРОДНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ БАЛКАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ: ОПАСНОСТИ ПЕРЕВОДА¹

ВСТУПЛЕНИЕ

Тема круглого стола «Стратегии межбалканской коммуникации: перевод» побудила меня обратиться к анализу переводов на некоторые южнославянские (балканославянские) и балканские языки стихотворения Бориса Пастернака «Август». В центре исследования не всё стихотворение, а несколько строчек с упоминанием Преображения и его народного обозначения как «второго Спаса». Этот фрагмент выводит нас на разговор о балканских и славянских христианских праздниках (особенно православных и отчасти в их народно-христианской форме), о их схожести / различиях в терминологии и содержании и о трудностях / опасностях перевода.

Перевод нами рассматривается в широком смысле как сопоставление, сравнение и соотнесение. У специалиста, который несколько десятилетий занимается чужой культурой и ее языком, будь то живая или мертвая культура, развивается своего рода билингвизм и добавляется иная оптика. Одной из сторон этого явления — изучению балканских культур изнутри и извне — были посвящены наши Балканские чтения (БЧ 2017). Обширные и глубокие знания другой культуры дают преимущественные возможности для сравнения ее с родной традицией: идет процесс параллельного восприятия, раздвоения, расчленения явления или факта языка, по крайней мере, на два варианта. Именно так случи-

---

¹ В работе над этой статьей, где анализируются переводы на балканские и южнославянские языки, на разных этапах мне помогали Н. Няголова, А. Туфа, К. Кауринокски, З. Коич, Н. Г. Голант, И. Сталь, М. М. Макарецев, Ю. Фикфак, Е. Црвенковска, А. Юга, которых я сердечно благодарю.

лось со стихотворением Бориса Пастернака, в котором своеобразным триггером для данного анализа послужило слово *Спас*.

Словосочетание с порядковым числительным — *второй Спас* — в стихотворении выступает как хрононим, обозначение Преображения, известное восточнославянским языкам. Многолетние занятия болгарским, славянским и балканским праздничным календарем выстраивают в голове исследователя «конструкции» ритуального года, которые значительно разнятся между собой, в том числе на уровне терминов. Русское (восточнославянское) *Спас* соотносится с Преображением и с чередой трех августовских *Спасов*, тогда как болгарское *Спасовден* — с Вознесением. То есть в России *Спас* ассоциируется с августом, концом лета, с фиксированной датой (6/19 августа), а в Болгарии это начало лета, май-июнь, дата подвижная, «не в числах». Сквозная тема стихотворения — торжественное прощание, которое выражается несколькими мотивами: Преображение, похороны, расставание с летом при появлении предвестников осени, разлука, — не может соотноситься с началом лета, на которое приходится Вознесение.

С точки зрения перевода мы не имеем дела с лакуной, поскольку слово *Спас* употребительно в восточнославянских и балканославянских языках, но оно относится к совершенно разным праздничным комплексам. Эта межъязыковая омонимия порождает соположение различного содержания и ассоциаций. Такой несовпадающий параллелизм фактов культурной традиции и ее языка потенциально опасен для перевода. Чтобы показать это, мы используем при анализе перевода стихотворения Б. Пастернака «Август» комплексные этнолингвистические методы², позволяющие рассмотреть этнографические, фольклорные и собственно языковые данные. Сопоставление разных славянских терминосистем — еще один важный аспект нашей работы, необходимый для ответа на вопрос, является ли *Спас* ‘Вознесение’ фактом балканославики или это более широко балканское явление, распространяющееся и на неславянские языки.

Приведем стихотворение Б. Пастернака и выделим те фрагменты, которые представляют особый интерес для анализа³.

² Благодарю Е. Л. Березович, которая очень точно обозначила проблематику этой балканистической статьи как «переводоведение и этнолингвистика».

³ О поэтике Б. Пастернака и о стихотворении «Август» см. (Топоров 1998; Власов 2004).

Август

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушинными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:

«Прощай, **лазурь преображенская**
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сражения.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

В статье анализируются семь переводов стихотворения на южно-славянские и балканские языки — албанский, болгарский, греческий, македонский, румынский, сербский⁴, словенский. Для сравнения мы приводим два перевода на английский язык. Список переводов дан в литературе, а сами тексты приводятся в Приложении.

⁴ Злата Коич выполнила перевод двух строф из этого стихотворения специально для нашего исследования, полного перевода на сербский у нас нет.

БАЛКАНСКИЙ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ *СПАС*:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Стихотворение, так явно ориентированное на церковный праздник Преображения Господня, заставляет нас посмотреть внимательнее на расхождения в календарных ритуальных комплексах и затем уже обратиться к переводу и проанализировать, как из этой непростой ситуации с термином и упоминанием других реалий выходят переводчики на южнославянские и балканские языки.

Несовпадение народных терминов православного календаря у русских и южных славян — явление нередкое (Терентьева 2013). Нам приходилось описывать различия хрононимов Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14/27.09) у русских и болгар, когда из церковного названия выделяются и акцентируются разные значимые компоненты. В русской и в других восточнославянских традициях опорным становится первое слово составного названия праздника и через его трансформации развивается идея движения (в терминологии: *Движенье, Здвиги, Здвиженъе, Здвижись* (Толстая 2005: 72, 103–104), *Вздвиженъё, Здвижев день, Здвижки* и др. (Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 92, 158, 161)), подкрепленная народными представлениями о сезонных работах и изменениях в природе. У болгар же вычленяется слово *Крест* (болг. *Кръст*), и корень *кръст-* служит для образования хрононимов (*Кръстовден*) и развития ритуальной практики (Седакова 2016), актуализирующей значение «крест» и омонимичное *кръст* ‘крестец, поясница, спина’. Народные хрононимы высвечивают значимые содержательные и формальные аспекты церковных праздников в их православно-бытовом преломлении. Обычно это переосмысление сезонных хозяйственных работ, природных явлений, а также транспонирование культурной ветхо- и новозаветной истории на повседневную жизнь. Подобные терминологические различия встречаются у восточных и южных славян при обозначении Богоявления / Крещения и других церковных праздников.

Однако с Преображением и Вознесением мы имеем иной случай — здесь разные праздники именуется одинаково — *Спас*. В составных названиях Господских праздников (Вознесение Господне и Преображение Господне) выбирается одна лексема, синонимичная *Господу, Спасителю*, — *Спас*, но она становится основой для именованя разных праздников. Можно ли считать, что, если в двух столь близких славян-

ских православных культурах, как русская и болгарская, есть отличия, они могут свидетельствовать о балканизме в болгарском? Изучая язык и культуру болгар и отталкиваясь от русской и других восточнославянских традиций, мы нередко применяем этот прием для высказывания гипотезы о «балканскости» болгарского материала, и обычно предположение подтверждается (Седакова 2007). Балканизмом, по мнению некоторых балканистов (П. Асенова), может считаться такой факт, который встречается в двух лингвокультурах, чаще всего балканославянских, но иногда обнаруживается поддержка и неславянских балканских языков и культур.

Обратимся к анализу **Вознесения на Балканах**, чтобы увидеть балканские черты этого праздника и укорененность термина *Снас*.

Болгарский, македонский, сербский и черногорский православные календари в их народной версии во многом носят балканский характер. Учитывая, что эти Церкви не столь строги, как Русская, некоторые народные факты празднования остаются в службах и совершаются в церковном пространстве. Народные термины церковных праздников в Болгарии, Македонии и Сербии нередко более известны, чем полные церковно-календарные, и они обязательно соседствуют с каноническими в православных ежегодных календарях. Так, мы обнаруживаем южнославянские термины *Спасовден*, *Спасовдан* как обозначение Вознесения, ср. болг. *Възнесение Господние (Спасовден)* (Болгарский календарь); серб.: *Вазнесење Господње — Спасовдан* (Сербский календарь). *Спасовден* дублирует хрононим *Възнесение Господне* на болгарских церквях и часовнях (Периклиева б/г), см. ил. 1.

Вознесение (*Снас*) на Балканах представляет собой разветвленный праздничный комплекс, который, в отличие от ряда других церковных праздников, хорошо известен и сохранен. Он отмечается на 40-й день по Пасхе и во многих областях тесно связан с поминальной обрядностью, которая в Болгарии и в других странах Балкан оформляет календарные циклы. Во многих балканославянских областях считается, что души мертвых, «распущенные» в день Пасхи, в Спасов день покидают землю. Хрононим закреплен в церковной и народно-религиозной культуре, немало церквей и монастырей, сакральных мест получили свои имена по именованию этого праздника. Известный рассказ болгарского писателя-классика Елина Пелина «Спасова могила» повествует о старике и его больном внуке, которые идут на Вознесение (*Спасовден*) ночевать на Спасов курган. По распространенным поверьям (ср. Лов.: 314),

Ил. 1.

ночь, проведенная на поляне возле лечебных трав⁵, может принести больным (в рассказе — мальчику) исцеление.

В балканославянских именословах немало имен с корнем *Спас-*. Так, у болгар фиксируются 7 мужских (*Спас*, *Спасен*, *Спасимир* и др.) и 14 женских (*Спасия*, *Спасенка*, *Спасимира* и др.), см. (Радева 2019: 373–374). Люди, носящие эти имена, а также синонимические, но греческие по происхождению *Сотир*, *Сотира*, празднуют именины в *Спасовден*, на Вознесение, см. ил. 2.

Этот день — определенная временная точка отсчета, ср. болг. поговорку «*Ето ти, булка, Спасовден*» («Вот тебе, молодуха, и Вознесение»), где отражена, как считают некоторые, практика вольного поведения в этот праздник (эротический контекст выражения описан Ф. Бадалановой, см. Бадаланова 1993: 170–172). Добавим, что в Спасов день пастухи покидают села и отправляются на пастбища, возвращаясь домой в Димитров день (Лов.: 314).

⁵ Вариант: больные ночуют в церковном или монастырском дворе, возле обетных крестов, святынь (Родопи: 107).

У македонцев Вознесение (*Спасовден*) тоже большой праздник, во многих местах в этот день устраивают сельскую славу или собор, когда все собираются на совместную трапезу (или курбан). Накануне Вознесения закалывают ягненка, на следующий день устраивают застолье и танцуют хоро на площади (ср. рассказ об обычаях Вознесения в с. Карбинци), см. Село Карбинци.

У сербов *Спасовдан* имеет и исторические корни — это день (*слава*) города Белграда еще со времен Стефана Лазаревича, 1403 г., и он прочно вписан с этим хрононимом в сербскую идентичность (КОО: 267). В селах же сербы пекут пирог *спасовъница*, *спасовъаћа*, а сама обрядность своей сельскохозяйственной направленностью напоминает ритуальный комплекс весеннего Юрьева дня. На Вознесение совершался обрядовый обход полей с крестом. В районе Пирота праздник отмечается два дня и именуется Большим и Малым Вознесением: *Големи и Мали Спасовдан* (Тодоровић 1998: 111). Термин *spasovo* известен и хорватам-католикам, наряду с хрононимами *križevo*, *križ*, *senca*, *sencovo* (КОО: 267), — возможно, как заимствование из сербского.

Можно было бы думать, что данный термин ограничен балканославянскими языками, однако это не так. У румын Вознесение обозначается как *Ispas*, *inaltarea Domnului*; в этот день сильна поминальная обрядность с угощениями, именуемыми *moşie de ispas* «вознесенские предки» (КОО 3: 245). *Ispas* заимствовано в романские языки (БЕР 7: 384) балкано-карпатского ареала, очевидно, из церковнославянского.

Приведем фрагмент интересного свидетельства об этом празднике из Закарпатья (Ужгородская обл.):

«Праздник Вознесения Господня, в румынской традиции называется днем Испаса. Испас, согласно легенде, — это человек, который стал свидетелем Воскресения и вознесения душ умерших на небо. Поскольку Испас был счастливым человеком, румыны считают, что в этот день все должны быть веселыми и радостными.

Ил. 2.

В румынском селе Топчино Тячевского района Закарпатья праздник Вознесения стал храмовым. По традиции в этот день румыны из всех окрестных деревень приезжают в Топчино, чтобы вместе быть свидетелями вознесения к вере, чистоте и благодати. На двух языках: румынском и украинском — молились священники и их многочисленная паства.

У румын на Вознесение принято украшать дома и могилы близких ветвями клена, а в окна ставятся листья любистка для защиты от молнии.

Раздают милостыни за умерших, особенно — теплый хлеб, брынзу, зеленый лук и цуйку (водку) <...>

Этот день имеет у румын еще одно название: Конский. Именно в этот день лошади могли впервые наестся зеленой травы вволю. Рассказывают, что когда Мария родила Иисуса Христа в яслях, она накрыла младенца сеном чтобы его не нашел Ирод. Быки грели его и не ели сено, а лошади были жадными и съели всё сено. Тогда Мария наказала лошадей, чтобы они насытились только один раз в год: на свою Пасху — на Вознесение».

(Закарпатье)

У влахов Сербии Вознесение тоже известно как *Иснас*⁶. По сообщению О. Младенович, в приграничных с Румынией районах Сербии на Вознесение обязательно обходят со священником поля «от града», вспоминая, что в год, когда часть угодий не успели обойти, был сильный град и именно этот участок пострадал. С тех пор, если какая-то территория в Вознесение остается без церковной литии, ее совершают на *Мали Снас* «малое Вознесение» (Младеновић: 206, 214)⁷.

Молдаване называют Вознесение Господне *Ispas* (см. Молдавия), такое же название распространено и у проживающих в Молдавии гагаузов (*Spas, Ispas*). Для этого праздника характерен сильно развитый культ мертвых (Soroşanu 2006: 175–176). У гагаузов Болгарии Вознесение именуется *Спасовден* и тоже считается поминальным днем. В селе Ген. Кантарджиево, Варненской обл. (Болгария) возле церкви св. Спаса устраивают курбан (Стаменова и др. 2007: 246). У греков и албанцев составная часть «Спаситель» в народных названиях не актуализируется, опорным термином является акт Вознесения (греч. *Ἀνάληψη τοῦ Κυρίου*, алб. *Ngjitja e Zotit*).

⁶ По сообщению Н. Г. Голант, у сербских валахов встречается имя собственное *Спасие*, которое у румын не фиксируется. Благодарю Н. Г. Голант за информацию о специфике Воздвижения у сербских валахов.

⁷ В наличии двух Вознесений — Большого и Малого — можно увидеть влияние сербской традиции.

Итак, на значительной части Балкан со Спасом ассоциируется весенне-летний праздник Вознесения Христова. Корень *спас-* является продуктивным и составляет группу терминов, обозначающих различные календарные явления и реалии. У болгар май наряду с другими названиями по праздникам (*гергьовски, костадиновски*) именуется «спасовым» (ИДРБЕ 2: 787). К формированию терминологического гнезда Вознесения подключается и народная этимология, соединяя разные значения омофонов и восстанавливая внутреннюю форму. Так, в области Сакара на Вознесение во двор выносят приданое девушки, чтобы его не съела моль («да не го спасват молците») (Сакар: 356). Здесь *спасвам* образовано с префиксом *с-* от *пасвам* и нередко употребляется в диалектах применительно к моли и другим насекомым (БЕР 5: 81). Еще один пример народной этимологии того же глагола, но с префиксом *из-* зафиксирован в Пловдивском крае, где запрещается спать в день Вознесения, «чтобы не пропал сон» («да не се изпасе сънят»), Плов.: 273).

Переходим к анализу хрононима ***Спас* у восточных славян**, у которых он прочно связан с представлениями об августовской обрядности. Преображение — тоже важная временная граница, конец лета, когда наблюдается отлет аистов и др. сезонные явления, ср. белорус.: «Спас — лета шась» и др. (МБ: 459).

Говоря о *Спасе* как о Преображении Господнем, сразу отметим августовскую троичность *Спасов*, их последовательность и связанность у восточных славян, ср. общий термин *спасовки-ласовки* (Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015: 413). Центральное место занимает двенадесятый праздник Преображение Господне. Первый и третий *Спасы* не двенадесятые, но всё же известные людям церковным и нецерковным (а сейчас особенно, с возвращением интереса к традиционному календарю и моде на него), см. илл. 3.

Илл. 3.

Преображение Господне (6/19.08) имеет устойчивое обозначение *Яблочный Спас*, тогда как первый и третий получают разные эпитеты. Первый *Спас* празднуется 1/14.08 в честь изнесения древ Креста Господня и известен как «медовый», «водный». Третий *Спас* празднуется 16/29.08 в честь перенесения Нерукотворного образа Спасителя и определяется как «ореховый», «житный» или «на холсте». В центре всех трех праздников Иисус Христос (Спаситель, Спас), первый и третий связаны с сакральными объектами — крестом и платом.

Несколько слов о **Преображении на Балканах**. Как уже отмечалось, оно не именуется словообразованиями от *спас-*, и отсчета «спасов» нет. Встречаются фонетические варианты церковного именованья, которые по законам народной этимологии «восстанавливают» внутреннюю форму или ее изобретают. Так, в Ловечском крае известен термин *Приближене*, которые связывается с приближением очень почитаемого праздника Успения. Сам хрономим *Преображение* соотносится с «преображением» воды и леса, ухода теплого времени года (Лов.: 318). Преображение, хотя и двенадцатый праздник, большим народным праздником не считается. Многие этнографические описания ритуального года балканских народов вообще не упоминают этот день и его обрядность (Сакар). Праздничным центром августа служит Успение, которое у православных балканцев именуется *Голяма Богородица* ‘Большая Богородица’, *Стара Богородица* ‘Старая Богородица’ (Плов: 276).

Интересно, что у гагаузов Преображение обозначается греческим по происхождению словом *Сотир*, соответствующим славянскому *Спас*, *Спаситель*, ср. у гагаузов Молдавии: *Sotira*, *Ay Sotira* (Сорочану 2006: 177) и у гагаузов Болгарии: *Св. Сотир*, *Сотир* (Стаменова и др. 2007: 252). Добавим уникальное болгарское свидетельство из Драмской области в Греции, где Преображение также именуется *сфити Спас* (‘святой Спас’), — возможно, через греческое *Μεταμόρφωση του Σωτήρος* (Коледаров 1963: 114).

Таким образом, мы видим переключки Вознесения и Преображения, в центре которых Иисус Христос Спаситель — *Спас*. Однако в народной версии, как это бывает нередко, праздник обретает антропоморфный образ. Так, о св. Сотире гагаузы рассказывают, что он был врачом, целителем, особенно детских болезней (Стаменова и др. 2007: 252). У славян *Спас* связывается или со святым (у болгар — св. Спас, не ассоциирующийся с Христом), или с нечистой силой (у русских,

причем его активность приурочена к Преображению). Иллюстрацией персонификации хрононима служит следующее свидетельство из Нижнего Поонежья: Спас предстает в образе некоей нечистой силы, которая водит в лесу в соответствующий день: «У нас говорили <...> водит и водит... Спас! Спас когда, в лес лучше не ходить — Спас водит. Заблудиться можно. Спас-то у нас когда, этот праздник, раньше старики говорили-то: в лес не ходи, там Спас водит» (Чешьюга) (Кучко 2019: 123).

У восточных славян словообразовательное гнездо терминов от *Спас*-‘Преображение’ велико, так же как у балканских народов в случае со *Спас*- ‘Вознесение’. Упомянем лишь несколько словообразований: *Спасовки*. *Спасовка*, *Спасалки* «Успенский пост» (Толстая 2005: 283–284).

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА

Обрисовав в общих чертах различия хрононимов и специфику двух праздников у балканцев и восточных славян, мы подошли к теме перевода стихотворения Бориса Пастернака «Август». И сразу же оговоримся, что не ставим целью дать оценку переводу: основная задача, как отмечалось, обозначить те моменты, которые могут представлять сложность.

Начнем с болгарского перевода, и первым вопросом будет передача пастернаковского выражения «золото второго Спаса» в сочетании с использованным в этом же четверостишии прилагательным «лазурь преображенная», а также с церковным названием этого праздника, упоминаемым в начале, — «6 августа по-старому, Преображение Господне».

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне...

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры...

«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа <...>».

Сами, по двама или в шествие
вървахте и един си спомни,
че днес постарому май шести е —
Преображение Господне...

От хладен зрак обикновено е
обхванат цял Тавор тогава
и есента като знамение
очите вече приковава...

«Прощавай, Спасовден с позлатата,
и ти, лазур преображенска,
часа съдбовен на разплатата
смякчи с последна ласка женска <...>».

В болгарском переводе точно передается хрононим *Преображение Господне* и его дата — 6 августа помечается «по-старому». И это понятно читателям, комментарии здесь не требуются. Хотя Болгарская Церковь, в отличие от Русской, перешла на новый стиль, воспоминания о старом календаре сохраняются в памяти многих людей, которые празднуют дважды или даже только в «старую дату». Некоторые праздники, например день св. Георгия, закреплены по старому стилю (подробнее см. Седакова 2018). На Преображение в стихотворении указывают новозаветные реалии — свет Фавора, а также и сезонные маркеры осени (которая, собственно, упоминается и прямо) — цветовая гамма (*шафрановый, имбирно-красный*), сохраненная в переводе. В таком контексте в строках «Прощай, Спасовден с позлатата / и ти, лазур преобращенска» видна явная нестыковка: в обратном переводе *Спасовден* дает майско-июньский праздник Вознесения, который не соотносится с описанием ухода лета, наступления осени с ее красками.

Надо сказать, что почти все известные мне переводы стихотворения «Август» в той или иной степени демонстрируют отсутствие календарной логики — именно благодаря передаче хрононима «второй Спас». Так, в сербском переводе Златы Коич, известной поэтессы и переводчицы с русского, мы видим также соседство Преображения Господня со *Спасовдан* (Вознесением):

Ходасте групно, засебно, у пару,	«Збогом, плавети преобращенска,
Кад, неко се сети, усред ходње:	И ти, Спасовдан-позлато јасна,
Данас је шести август, по старом —	Ублажи последњим миљем женским
Преображеније Господње.	Горчину мојег судњег часа <...>».
.....	

Важная смысловая нестыковка обусловлена и наличием в русском народном хронониме Преображения порядкового числительного *второй*. Так, в переводе на македонский язык наряду с церковным хрононимом *Преображење Господово* появляется «второй Спасов день», то есть «Второе Вознесение» (отметим, что церковный праздник пишется со строчной буквы, а *Вториот Спасовден* — с прописной):

Вие сте оделе во толпа, кој како	«Збогум, синило преобращенско
И наеднаш се сети некој со венец	И на Вториот Спасовден сончевото злато.
Дека шести август смо по старо	Смекни ја со женска галовност
И дека преображење господово е денес.	Горчеливоста на смртта и минатото <...>».
.....	

Перевод на албанский строк «Прощай, лазурь преображенная / и золото второго Спаса» звучит так: «Lamtumirë, e shndërrimit kaltërsi / O ar i Shpëtimit të dytë». Здесь также сохранено церковное название Преображения, но второй Спас именуется «вторым Спасением». В словенском переводе речь идет о «втором пришествии»: «Oj, zbogom, modri spremenienski sij, Zlato ti drugega Prihoda», что с богословской точки зрения совершенно неверно применительно к Преображению. И в греческом варианте обнаруживаем подобное «Второе Пришествие / явление»: «Σε χαίρετό γαλάζια Μεταμόρφωση κι εσένα, χρυσάφι της Δευτέρας Παρουσίας».

Румынский переводчик очень свободно трактует две исследуемые строки, транспонируя настоящее время на будущее: «Adio, cer de-azur, ce vei vedea / Cînd El va fi alt chip să-și ieie», «Прощай, небо из лазури, которое ты увидишь / Когда Он примет другой образ», однако избегает аллюзии и с хрононимом *Ispas* ‘Вознесение’, и с числительным ‘второй’, уводящего от истинного замысла автора.

Для сравнения дадим переводы стихотворения «Август» на язык, далекий от славянских и балканских языков, — английский. Нам удалось найти два перевода, один из них анонимный, а другой выполнен канадским русистом, пастернаковедом Кристофером Барнсом⁸.

В анонимном переводе «второй Спас» просто опускается, церковный термин Преображения сохраняется: «Farewell, wonder of azure and of gold / Surrounding the Transfiguration’s power» и, хотя повтора названия праздника переводчик избегает, он не домысливает за автора интерпретацию Евангельского сюжета. К. Барнс переводит анализируемые строки следующим образом: «Farewell, Transfiguration’s azure / And gold of Savior’s Day the Second!». Здесь Преображение передается английским каноническим *Transfiguration*, тогда как *второй Спас* переводится как «Savior’s Day the Second», то есть «второй день Спасителя», что для англоязычного читателя звучит непонятно и загадочно и не имеет аллюзий к Преображению, во всяком случае к его августовскому порядковому «номеру», известному восточнославянской традиции. При этом во всех переводах описание Фаворского света дается очень точно.

8

8 Публикация переводов стихотворений Бориса Пастернака из романа «Доктор Живаго» сопровождается вступительной статьей переводчика, в которой он сообщает, что старался передать скорее поэтическую стилистику, а не семантику произведений (Barnes 2004).

Выходя за тему календарных праздников и дат, посмотрим на перевод одной русской реалии, которую упоминает Борис Пастернак, — пряник: «...В имбирно-красный лес кладбищенский, / Горевший, как печатный **пряник**». В переводах также звучит балканская тема: в текстах на болгарском, македонском, румынском и албанском используется общебалканская лексика хлебных изделий. Так, в болгарском эти две строки переведены следующим образом: «...към гробището златоалено / подобно питка зачервена». *Пита, питка* — лепешка, круглый хлебец, традиционная выпечка на Балканах⁹, но можно ли считать эту реалию аналогом имбирного печатного пряника? Всё же у хлебца *питка* нет связи с имбирем (и, соответственно, с этим цветом), а также нет и аллюзии к праздничности пряника, к изображениям на нем (*печатный пряник*). Однако в зонах контакта, например у гагаузов Молдавии, одно из значений *pita* — ‘пряник’ (Сорочяну 220: 335); очевидно, что с появлением реалии данная лексема может значительно расширять свое применение.

Румынское *dolce turta* букв. ‘сладкий хлеб, сладкая лепешка’, где *turta* также является балканизмом, однако точно соответствует русской реалии, это именно имбирный пряник.

В албанском переводе используется лексема *kulaç*: «Varret me prozhmin e kuq-xhenxhefil, / Të djegur, si kulaç i stampuar». Общебалканская лексема (ср. серб. *колач*, болг. *колак, колаче*, гагауз. *kolaç*) обозначает небольшую булочку, которая нередко используется в обрядах, она не полностью соответствует имбирному печатному прянику. Однако это, пожалуй, верное наименование для угощения подобного рода, то есть по функции оно подходит, хотя и не соответствует цвету (а именно он здесь релевантен), узору и имбирному составу пряника.

У многих переводчиков вызывает затруднение эпитет «печатный» для пряника¹⁰, и перевод «печатного» как алб. *i stampuar* относится не к выпечке, а, скорее, к изданиям и типографской продукции. В македонском переводе фигурирует *панаѓурски колач*, то есть та же общебалканская лексема для выпечки *колач* с определением «ярмарочный». Греческий перевод упоминает свежеиспеченный хлеб φρεσκοψιμένο ψωμί, тогда как в словенском имеется точное соответствие пряника

⁹ Е. Сорочяну подробно анализирует балканский характер этой и других «хлебных» лексем (Сорочяну 2019), а Ст. Янева — обрядовое использование хлебов у болгар (Янева 1989).

¹⁰ Печатные пряники изготавливали с помощью пряничной доски, см. илл. 4.

Ил. 4.

lectarska potička (словен. *lect* ‘пряник’), с удвоением значения ‘угощение’ (*potička* ‘рулет’).

В английском языке имбирный пряник — это *gingerbread*, и именно его мы и обнаруживаем в анонимном переводе, тогда как у Барнса — *ginger biscuit*, что в любом случае точнее балканских «лепешек» и «хлебцев». Однако и здесь прилагательное *печатный*, переведенный как *stamped*, ничего не скажет читателю об этой реалии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше краткое исследование, поводом для которого стало обозначение Преображения в стихотворении Б. Пастернака «Август» народным хронимом *второй Спас*, позволило сделать несколько выводов. Прежде всего, оно показывает серьезные различия в системе народно-православных хронимов, которые образованы от церковных наименований праздников, даже в близких балканославянских и восточнославянских православных календарях. Кроме того, анализ данных хронимов позволяет говорить о важной роли соседства и контактов

на Балканах (частично и на Карпатах): заимствования из сербского в хорватский, из молдавского и болгарского в гагаузский, а также наличие славянских заимствований в неславянских языках (*Ispas* от слав. *Спас* в румынском, молдавском и гагаузском). И наконец, говоря о переводе ряда народных терминов, следует отметить, что передача хрононима «второй Спас» невозможна без объяснительных комментариев. В данном стихотворении этот хрононим можно опустить, поскольку Преображение уже упоминается, можно использовать генерализацию и дать аналог «Господня праздника». Соединение же Вознесения и Преображения в стихотворении «Август» или упоминание «второго Спасителя», «второго Спасения», «второго Пришествия» применительно к Преображению Господню искажает оригинал, нарушает его временную логику и противоречит богословскому смыслу праздника.

В настоящее время нам известны свыше 20 переводов стихотворения Бориса Пастернака «Август» на европейские языки. Работа над анализом переводов продолжается, поскольку выход из православного календаря в католический, протестантский и др. ставит новые вопросы и дает интересные переводческие решения.

Кроме *второго Спаса* и *печатного пряника* этнолингвистическому анализу подлежат термины погребения и поминок (*проводы, кладбищенский, погост*), речевые формулы (*Процуй*). Более подробно необходимо исследовать и фразу «Шестое августа по-старому», поскольку апелляция к старому и новому стилям, как показывают переводы, не всегда дает читателю верную информацию, оставляя это место темным для понимания.

ПЕРЕВОДЫ

- (1) Перевод на албанский: А. Tufa. Рукопись.
- (2) Перевод на английский. Ch. Barnes (*Barnes Ch. Translating the Zhyvago Cycle* // Toronto Slavic Quarterly. 10. Fall 2004. Электронный источник: <http://sites.utoronto.ca/tsq/10/barnes10.shtml>, проверено 02.05.2022).
- (3) Перевод на английский. Анонимный (Электронный источник: <https://www.poemhunter.com/poem/august-10>, проверено 02.05.2022).
- (4) Перевод на болгарский: К. Кадийски. (*Борис Пастернак. Стихотворения*. София: Ars poetica, 1990. Электронный источник: <https://chitanka.info/text/8289-avgust>, проверено 02.05.2022).

- (5) Перевод на греческий: Μ. Τσατσανογλου.
- (6) Перевод на македонский: Т. Урошевиќ (*Борис Пастернак. Доктор Живаго*. Том втори. Скопје: Мисла, 1974. С. 316–318).
- (7) Перевод на румынский: Е. Iordache (*Boris Pasternak. Doctor Jivago*. Bucarest: Polirom, 2013. P. 650–651).
- (8) Перевод на словенский: J. Moder. (*Boris L. Pasternak. Doktor Živago*. Ljubljana: Ljudske pravice, 1967. S. 321–322).

ЛИТЕРАТУРА

- Атрошенко, Кривошапова, Осипова 2015 — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. Москва: АСТ-Пресс, 2015.
- Бадаланова 1993 — *Бадаланова Ф.* (съст.). Български еротикон. Т. I. София: ROD, 1993.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8. София, Издателство на БАН, 1971–2017.
- БЧ 2017 — Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 г. / Макарец М. М. (отв. ред.), Седакова И. А., Цивьян Т. В. (ред.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. (Балканские чтения. 14.)
- Власов 2004 — *Власов А.* Дар живого духа. Стихотворения Бориса Пастернака «Август» и «Разлука» в контексте романа «Доктор Живаго» // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 216–238.
- ИДРБЕ — Идеографски диалектен речник на българския език. Т. 2. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2021.
- Коледаров 1963 — *Коледаров П.* Народописни и фолклорни материали от с. Плевня, Драмско // Сборник за народни умотворения и народопис. София: Издателството на БАН, 1963. Т. 50. С. 57–121.
- КОО 2 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1977.
- КОО 3 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1978.
- Кучко 2019 — *Кучко В. С.* Народная хрономимия нижнего Поволжья // Вопросы ономастики. 2019. № 2. С. 111–128.

- Лов. — Ловешки край. Материална и духовна култура. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 1999.
- МБ — Міфалогія беларусаў. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2011.
- Младеновић 1993 — *Младеновић О.* Играчко народно стваралаштво Кључа и Брзопаланечког Подунавља // Гласник Етнографског музеја у Београду 57, 1993. С. 201–226.
- Периклиева б/г — *Периклиева В.* Спасовден и Русалска недела // Българска етнография. (Электронный источник: <https://balgarskaetnografia.com/praznici-i-obichai/kalendarni-praznici-i-obichai/2019-05-29-06-21-10.html>, проверено 02.05.2022.)
- Плов. — Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София: Издателство на БАН, 1986.
- Радева 2019 — *Радева П.* Нов речник на личните имена у българите. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2019.
- Родопи — Родопи. Традиционна народна, духовна и социалнонормативна култура. София: Етнографски институт с музей при БАН, 1994.
- Сакар — Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2002.
- Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007.
- Седакова 2016 — *Седакова И. А.* Русско-болгарские праздничные параллели: Воздвижение // Славянский альманах 1–2, 2016. С. 322–338.
- Седакова 2018 — *Седакова И. А.* Болгарский vs русский православный праздничный год в XXI веке // Чрез миналото към бъдещето. Сборник в чест на проф. днк Маргарита Карамихова / Съст. Петко Ст. Петков. София: Промисвета, 2018. С. 97–112.
- Сорочяну 2020 — *Сорочяну Е.* Хлеб в традиционной культуре гагаузов: этнолингвистическое исследование. Кишинэу: Lexon-Prim, 2020.
- Стаменова и др. 2007 — *Стаменова Ж. и др.* Гагаузите в България. Записки от терена. Каварна: Исторически музей Каварна, 2007.
- Терентьева 2013 — *Терентьева Е. Ю.* Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции. Дисс... канд. филол. наук. М., 2013.
- Тодоровић 1998 — *Тодоровић И.* Прилог изучавању литија у Сврљишком крају // Гласник Етнографског института 47–49. 1998. С. 103–120.
- Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.

- Топоров 1998 — *Топоров В. Н.* Об одном индивидуальном варианте «автоинтертекстуальности»: случай Пастернака (о «резонантном» пространстве литературы) // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1998.
- Янева 1989 — *Янева Ст.* Български обредни хлябове. София: Издателство на БАН, 1989.
- Soroçanu* 2006 — *Soroçanu E.* Gagauzların kalendar adetleri: etnolingvistik aaraştırması / Гагаузская календарная обрядность: этнолингвистическое исследование. Chişinău: Gunivas, 2006.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- Болгарский календарь: (Электронный источник: <https://bg-patriarshia.bg/calendar/2021-6>, проверено 02.05.2022.)
- Закарпатье: (Электронный источник: http://uzhgorod.in/fotoreportazhi/2012/tak_otmechayut_voznesenie_zakarpatskie_rumunu, проверено 02.05.2022.)
- Село Карбинци: (Электронный источник: <https://www.youtube.com/watch?v=x4hu96E45zg>, проверено 02.05.2022.)
- Молдавия: (Электронный источник: <https://m.moldovenii.md/ru/section/522>, проверено 02.05.2022.)
- Сербский календарь: (Электронный источник: <https://crkvenikalendar.rs/jun-2021/>, проверено 02.05.2022.)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Церковь Вознесения Христова (*Спасовден*) в болгарском с. Стойките. Фотография Е. Троевой. 2013.
2. Интернет-поздравление именинников с Вознесением Господним. Болгария. 2020.
3. Интернет-поздравление с тремя праздниками Спаса. Россия. 2020.
4. Пряничная доска для изготовления печатных пряников. Русский музей, Санкт-Петербург.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Gusht

Siç premtoi, pa farë mashtrimi,
Kithtas, me një fashë shafrani
Dielli çau buzë agimi
Që nga perdet e tek divani.

Ai kaploi me okër të nxehtë
Pyllin fqinj, të fshatit shtëpiza,
Çarçafët e mi, nënkresën e lagur,
Dhe murin pas raftit me libra.

Befas kuptova, se përse vallë
Kish lagështi pak në nënkresë.
M'u shtir: po vinit në funeral
Njëri pas tjetrit, pyllit përmes.

Ju vinit sërë-sërë, në tek e çift,
Befas dikush tha, se bash sodit
Gjashtë gushti me të vjetrën ish'
Dita e Shndërrimit të Zotit.

Zakonisht një dritë e paflakë
Shkrep nga Tabori këtë ditë,
Dhe vjesht' e kthjellë, si bajrak,
Tek vetja na i përpin sytë.

Kaluat vërrishtën, imcakun pyll,
skamnor, cullak, të drithëruar —
Varret me prozhmin e kuq-xhenxhefil,
Të djegur, si kulaç i stampuar.

Me lartësitë e tij në fashë
E qiellit ngrihej madhështia,
Dhe me zërat e kaposhave
Jehonte zvargur largësia.

Si gjeometre qeveritare
Mes varresh vdekja sipas shartit,
Ma kqyr fytyrën vdekatare,
T'më mih' një varr në masë të shtatit.

I kapshëm rej gjithkujt, fizik,
Në zë i qetë aty mbërrini.
Zëri im që pata, profetik,
Pamort kumbonte prej rrënimi:

«Lamtumirë, e shndërrimit kaltërsi
O ar i Shpëtimit të dytë —
Me t'mbramen dhele femre ti
Zbutma brengën e orës së ligë.

Lamtumirë, vite të pakohë,
Mirëmbeç, hon i poshtërimit —
O grua që më vë në sprovë!
Jam fusha jote e luftimit.

Lamtumirë, të ndehura flatra,
Ngulmim krenar fluturimi,
Imazh' i botës, shfaqur te fjala,
Dhe krijimi, dhe mrekillimi».

(1) *Перевод на албанский: Азрон Туфа.*

August

As promised, true to expectation,
From curtain to the sofa spanning,
The early morning sunray cast
Its penetrating slash of saffron.

Blazing ochre was outspread
Over nearby copse and homestead,
My tear-stained pillow, and the bed,
A stretch of wall beyond the bookshelf.

And I recalled the reason why
My pillowslip was lightly dampened:
I dreamed you'd come to say goodbye,
Wending your way among the woodland.

You filed in ones and twos, in streams.
Then suddenly came recollection:
This was the ancient August feast,
This was our Lord's Transfiguration.

This day a flameless radiant light
Is said to issue from Mount Tabor,
And autumn, like a portent bright,
Commands enraptured observation.

You made your way amid the sere
And starkly shimmering alder thicket,
Then through the graveyard's russet leaves,
Ablaze like glowing ginger biscuit.

Aloft, the trees' quiescent crowns
Had solemn heaven for their neighbor,
And distance echoed back the sound
Of roosters' long-drawn ululation.

And there, among the trees and graves
Stood death, to make official survey
And look into my lifeless face
And size my limbs for their interment.

Then, near at hand and heard by all,
A voice spoke, calm and reassuring —
My own prophetic voice of yore,
Intact, untainted by corruption:

«Farewell, Transfiguration's azure
And gold of Savior's Day the Second!
Let gentle female hands caress
Me as the bitter ending beckons.

Farewell to those uncounted years.
We fain must say goodbye, o woman,
Who braved indignity's abyss!
My heart was witness to your striving.

Farewell, o span of outstretched wing,
Free flight forever soaring onwards,
World's image manifest in speech,
And artistry, the work of wonders!»

(2) *Перевод на английский: Ch. Barnes.*

August

This was its promise, held to faithfully:
The early morning sun came in this way
Until the angle of its saffron beam
Between the curtains and the sofa lay,

And with its ochre heat it spread across
The village houses, and the nearby wood,
Upon my bed and on my dampened pillow
And to the corner where the bookcase stood.

Then I recalled the reason why my pillow
Had been so dampened by those tears that fell-
I'd dreamt I saw you coming one by one
Across the wood to wish me your farewell.

You came in ones and twos, a straggling crowd;
Then suddenly someone mentioned a word:
It was the sixth of August, by Old Style,
And the Transfiguration of Our Lord.

For from Mount Tabor usually this day
There comes a light without a flame to shine,
And autumn draws all eyes upon itself
As clear and unmistakable as a sign.

But you came forward through the tiny, stripped,
The pauperly and trembling alder grove,
Into the graveyard's coppice, russet-red,
Which, like stamped gingerbread, lay there and glowed.

And with the silence of those high treetops
Was neighbour only the imposing sky
And in the echoed crowing of the cocks
The distances and distances rang by:

There in the churchyard underneath the trees,
Like some surveyor from the government
Death gazed on my pale face to estimate
How large a grave would suit my measurement.

All those who stood there could distinctly hear
A quiet voice emerge from where I lay:
The voice was mine, my past; prophetic words
That sounded now, unsullied by decay:

«Farewell, wonder of azure and of gold
Surrounding the Transfiguration's power:
Assuage now with a woman's last caress
The bitterness of my predestined hour!

Farewell timeless expanse of passing years!
Farewell, woman who flung your challenge steeled
Against the abyss of humiliations:
For it is I who am your battlefield!

Farewell, you span of open wings outspread,
The voluntary obstinacy of flight,
O figure of the world revealed in speech,
Creative genius, wonder-working might!»

(3) *Перевод на английский. Анонимный.*

Август

Щом обеща ни, без подканяне
пристигна слънцето отрано.
постлало ивица шафранена
чак от пердето до дивана.

Покри то с жарка охра целите
късия наблизо и гората,
възглавницата и постелята,
и лавицата край стената.

Припомних си защо пламтящата
възглавка тъй е овлажнена —
сънувах аз, че ме изпращате
един след друг опечалени.

Сами, по двама или в шествие
вървяхте и един си спомни,
че днес постарому май шести е —
Преображение Господне.

От хладен зрак обикновено е
обхванат цял Тавор тогава
и есента като знамение
очите вече приковава.

През рядка, тръпна, разпарцалена
горичка крачехте след мене
към гробището злато-алено
подобно питка зачервена.

Високо над леса съседстваха
върхарите с небето важно
и далнините се приветстваха
с петльови гласове протяжно.

Смъртта — патрон на земемерите
видях край входа да се мярка,
очи в лика ми мъртъв вперила:
да ми изрови гроб по мярка.

Спокоен глас край вас проточи се
и всички вслушахте се в него,
това бе моят глас пророчески,
от тлен все още незасегнат:

«Прощавай, Спасовден с позлатата,
и ти, лазур преображенска,
часа съдбовен на разплатата
сметчи с последна ласка женска.

Прощавай, време на застоя,
ти — в бездната от унижения, —
жена, надала глас достоен!
За тебе съм полесражение.

Прощавай, полет на орловото
крило, разперено с упорство,
и свят, спасен в света на словото,
и творчество, и чудотворство».

(4) *Перевод на български: Кирил Кадийски.*

Αύγουστος

Συνεπής, όπως το 'χε υποσχεθεί,
Η πρώτη πρωινή ηλιακτίδα εκτόξευσε
Το διεισδυτικό της βέλος από σαφράνι
Απ' την κουρτίνα ως το ντιβάνι.

Πύρινη όχρα απλώθηκε
Στο δάσος πέρα και στα σπίτια του χωριού
Στο δακρυσμένο μαξιλάρι μου και το κρεβάτι μου,
Στον τοίχο και την βιβλιοθήκη απ' άκρη σ' άκρη.

Και θυμήθηκα για ποιον λόγο
Το μαξιλάρι μου ήταν υγρό:
Ονειρεύτηκα πως ήρθατε να μ' αποχαιρετήσετε,
Βαδίζατε στο δάσος ο ένας κοντά στον άλλο.

Βαδίζατε, δυο-δυο ή μόνοι ή σε ομάδες
Κι ύστερα, ξαφνικά, ήρθε η ανάμνηση:
Στις 6 Αυγούστου είναι η γιορτή,
Η Μεταμόρφωση του Σωτήρα μας.

Αυτή την μέρα ένα άφλεγο ακτινοβόλο φως
Λέγεται πως εκπορεύεται από το Όρος Θαβώρ,
Και το φθινόπωρο, σαν λαμπερός οιωνός,
Απαιτεί εκστατική παρατήρηση.

Περάσατε μέσα από την αποφυλωμένη
Και ψυχρή στο τρεμόφωτο συστάδα σημύδων,
Στα κοκκινωπά φύλλα του νεκροταφείου,
Που 'ταν ολόφωτο σαν φρεσκοψημένο ψωμί.

Από ψηλά, οι αδρανείς κορυφές των δένδρων
Γειννιάζαν με τον βαρύ ουρανό,
Κι η απόσταση αντηχούσε τον ήχο
Των μακρόσυρτων ολολυγμών των πετεινών.

Κι εκεί, ανάμεσα στα δέντρα και τους τάφους
Στεκόταν ο θάνατος έτοιμος για επιθεώρηση,
Για να κοιτάξει τ' άψυχό μου πρόσωπο
Και να μου πάρει τα μέτρα για να με θάψει.

Ο καθένας μπορούσε καθαρά ν' ακούσει
Μιαν ήρεμη φωνή και καθησυχαστική —
Ήταν η ίδια μου η φωνή η προφητική από το παρελθόν,
Άθικτη, απρόσβλητη από τη φθορά.

«Σε χαιρετώ γαλάζια Μεταμόρφωση
κι εσένα, χρυσάφι της Δευτέρας Παρουσίας!
Άσε να με χαϊδέψει απαλά ένα χέρι γυναικείο
Στην πίκρα της τελευταίας μου ώρας.

Σας χαιρετώ, χρόνια αμέτρητα!
Χαιρετώ κι εσένα, γυναίκα,
Που πέταξες το γάντι της προσβολής.
Εγώ είμαι το πεδίο της μάχης σου.

Σας χαιρετώ, ορμή των ανοιγμένων φτερών ,
Ελεύθερο φτερούγισμα, χωρίς εμπόδια
Και μορφή του κόσμου με τον λόγο δηλωμένη
Και δημιουργία, και έργο θαυμαστό!»

(5) *Перевод на греческий: Μαρία Τσατσάνογλου.*

Август

Како што витело¹², без да лаже,
 Се провере наутро сонцето летно
 Во коса лента со боја на перлус
 И на диванот фрли петно.

Тоа со врела 'рѓа ги покри
 Блиската шума, куќи на ридот,
 Мојата постела, перницата мокра
 И, зад етажерката, парче од сидот.

За перницата да биде влажна
 Си спомнав што било повод.
 Сум сонил дека сте оделе низ шума
 Еден по друг, на мојот спровод.

Вие сте оделе во толпа, кој како,
 И наеднаш се сети некој со венец
 Дека шести август сме по старо
 И дека преображење господово е денес.

Обично светлина без пламен
 На овој ден од Фавор се точи
 И есента, ведрa како знамение,
 Врз себе ги привлекува сите очи.

Вие минавте низ шумата од елки,
 Ситна, растреперена, бедна и гола,
 Во црвената шума на гробиштата
 Што пламтеше како панаѓурски колач.

Небото важно стоеше во соседство
 Со нејзините врвови светли,
 И далечините се довикуваа развлечено
 Со помош на невидливите петли.

Во шумата среде гробиштата
 Стоеше смртта како земјомерка на дело,
 Гледајќи во моето мртво лице
 За гроб да ми ископа според телото.

Сите физички можеа да го сетат
 На нечиј глас блиското доаѓање.
 Тоа мојот некогашен глас како призрак
 Одекнуваше, негибнат од распаѓање.

«Збогум, синило преображенско
 И на вториот Спасовден сончевото злато.
 Смекни ја со женска галовност
 Горчеливоста на смртта и минатото.

Збогум, години на безвременост.
 Да се простиме, жено што на понорот голем
 На понижувањето предизвикот го фрлаш.
 На твојата битка јас сум поле.

Збогум, слободна истрајност на летот,
 Криво расширено за замав и удар,
 И лику на светот, појавен во зборот,
 И творење на дела и правење на чуда».

(6) *Перевод на македонскиј: Тања Урошевиќ.*

¹² Так в публикациици, видимо, опечатка вместо *ветило* 'обещало'. — И.С.

August

Azi-dimineată cum îmi promisese
În casă, -ogalbenă fișie
A sorealui intră, pornind să-mi țese
Cărare pe sub draperie.

Cu oculul lui, culoare-atît de nudă,
A poleit pădurea, satul
Cearșaful meu și perna mea cea udă,
Peretele cel alb și patul.

Mi-am amintit atunci fără zăbavă
De ce mi-e udă perna moale:
Visasem că veneați printr-o dumbravă
La propria-mi înmormîntare.

Mergeați de-a valma, singuri sau perechi,
Și-o vorbă se auzi, răzleață,
Că-i șase august, după stilul vechi –
Schimbarea Domnului la față.

Fără de flăcări, din Tabor, lumina
Primește azi întreaga fire.
De-acum e-aproape toamna cea senină
Și-i clară, ca o prevestire.

Voi ați intrat pe rînd în cimitir,
Trecînd prin crîngul ce străluce
Sărac și trist cu flăcări de ghimbir
Și rumen ca o turtă dulce.

Trufila înălțimilor cărunte
Se-nvecina cu naltul crîng.
Și-n depărtările-n răstimpuri
Cocoșii trîmbițau, prelung.

Precum o ingineră de cadastru,
În cimitir, ca-n bătătură.
Sta moartea, gata un mormînt sihastru
Să-mi sape-ndată, pe măsură.

Ați auzit cu toți și fiecare
O voce parcă-n voi iscată.
Da, vocea mea profetică și care
Rostea, de moarte neschimbată:

«Adio, cer de-azur, ce vei vedea
Cînd El va fi alt chip să-și ieie,
Alină, -amară, săvîrșirea mea
Cu-o mîngîire de femeie.

Adio, viață, bun rămas, ființă –
Femeie ca o vijelie
Ce-adînc sfidezi genuni de umilință.
Sînt cîmpul tău de bătălie.

Rămii cu bine, aripă în vînt,
Ce-n zbor robia n-ai voit a ști-o!
Icoană-a lumii, lume din cuvînt,
Creație, miracole, adio!»

(7) *Перевод на румынский: E. Iordache.*

Avgust

Prišlo je sonce, kakor obljubilo je,
Pokukalo mi v sobo dnevno,
S pramenom pomarančnim posvetilo je
Na divan od zaves poševno.

Pokrilo s toplo, rdečo okro je
Sosednjo hosto in vasico,
Mi posteljo, blazino mokro je
In stene rob s knjižno polico.

Domislil sem se, kaj v yem skriva se,
Da pokropljena je blazina.
Sanjalo se mi je, da s hriba je
Za mojo krsto šla družina.

Hodili v gručah, s parom ste,
Na mah nekdo izreče mnenje,
Da šesti to avgust po starem je,
Gospodov praznik: spremenenje.

Nevadno luč, ki v nji slep plamen je,
Ta dan po Taboru se pase,
Jesen, sijoča kakor znamenje,
Pogledе vse priklepa nase.

Prišli ste iz bornega, drhtečega,
Beraško golega gradička
Na božij vrt, do živo rdečega,
Ki rdi kot lectarska potička.

Z vrhov pomirjenim svetnikanjem
Nebo se resno spogleduje
In s petelinjim kikirikanjem
se proctor v šir in dalj sklicuje.

Sred božje nive smrt kot merjevka
Državna v gaju čaka name,
Z očmi v obraz mi mrtvi uperjena,
Da mi za jamo mero vzame.

Začuti vsak z močmi telesnimi
Besede umirjene od groba.
Doni preroško glas slovesni mi
Kot prej, ni strla ga trohnoha.

«Oj, z bogom, modri spremenienski sij,
Zlato ti drugega Prihoda.
Se zadnjič z ljubkovanjem ženskim mi
ublaži, kar zahteva usoda.

In z bogom, keta, ko sva hirala,
In z bogom, ženska, ki ponižan
Si breznu se srčno upirala.
Jaz proctor sem bil tvojih križanj.

Oj, z bogom, kril zamah razklenjeni,
Svobodno jadranje veselo,
Sveta odsev, v besede vklenjeni,
Dar čudežev, ustvarjalno delo».

(8) *Перевод на словенский: J. Moder.*

Irina A. Sedakova (Moscow)

FOLK TERMINOLOGY OF THE BALKAN AND SLAVIC CHRISTIAN
ORTHODOX FEASTS: THE DANGER OF TRANSLATION

ABSTRACT: The article combines methods of ethnolinguistics, Balkan studies, and translatory studies with the aim to analyze the translations of the folk Christian terms of feasts and other facts of the traditional culture. The study of the ways the East-Slavonic calendric term *Vtoroj (Second) Spas* 'Transfiguration' from the Boris Pasternak's poem *August* is translated into seven Balkan and South Slavic languages (compared to two English translations) is supported by research of the terminology and corresponding feasts in Balkan and Slavonic traditions. The translations of the poem *August* investigated in the article are given in the Appendix.

KEY WORDS: Balkan studies, ethnolinguistics, translatory studies, Boris Pasternak, calendric feasts.

NOTE ON THE AUTHOR: Irina Sedakova, Dr.Sc., head of the Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com.

РЕЗЮМЕ: В статье соединены три ракурса исследования — этнолингвистический, балканистический и переводоведческий, которые способствуют анализу перевода обозначения народно-христианских праздников и других фактов словаря традиционной культуры. Разбор перевода восточнославянского хрононима «второй Спас» (Преображение) из стихотворения Бориса Пастернака «Август» на семь балканских и южнославянских языков (с параллелями из двух английских переводов) сопровождается сопоставлением календарных терминов и соответствующих праздников в балканских и славянских традициях. В приложении приводятся анализируемые в статье переводы стихотворения «Август».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: балканистика, этнолингвистика, переводоведение, Борис Пастернак, календарные праздники

ОБ АВТОРЕ: Ирина Александровна Седакова, д. ф. н., заведующая Отделом типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com.